НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА
интриги, тайны и любовь
ИСПОВЕДЬ
АВАНТЮРИСТКИ

Наталия Орбенина
Исповедь авантюристки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643785
Исповедь авантюристки: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50658-3

Аннотация

Благодаря богатому приданому Аполлония сумела устроить свою судьбу: вышла замуж за учителя Андрея Хорошевского и вместе с ним открыла пансион для девочек. Таинственный незнакомец уговаривал их не покупать дом, который они выбрали для гимназии, но супруги, конечно, не послушали его. И, как выяснилось, напрасно: воспитанницы пансиона стали жаловаться, что по ночам их пугает страшный карлик… Но это были еще не все беды – вдруг пропал Хорошевский! Его родственник, следователь петербургской полиции Константин Сердюков, прекрасный аналитик и сердцевед, побеседовал с девочками, спешно уехавшими домой, и понял: карлик – вовсе не игра их воображения. Неужели он похитил Андрея?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наталья Орбенина
Исповедь авантюристки

Глава 1

«Милостивый государь мой, Константин Митрофанович!

Пишу к Вам не только потому, что Вы служите в полицейском ведомстве, но и потому, что Вы родная Андрею Викторовичу душа. Питаю надежду на сочувствие и скорую помощь в постигшем нашу семью несчастии…»

«Ах, нет, невозможно, казенно, нескладно. Господи, да как же попросту попросить помочь?» Аполония Станиславовна с тоской смяла листок и бросила его в корзину. Письмо ей не давалось, и она знала почему. Она боялась назвать вещи своими именами, чтобы не накликать еще большей беды. Андрей Викторович, ее супруг, совладелец и директор одного из самых популярных закрытых пансионов для девушек, исчез, пропал таинственным образом. Как сквозь землю провалился!

Аполония собралась с духом и принялась за новое письмо. Оно было адресовано троюродному брату мужа, служившему в Петербургской сыскной полиции следователем. Сердюков, так звали родственника, иногда заезжал к ним. Аполония слегка смущалась этого неразговорчивого, одинокого

человека, который, как ей казалось, и не выходил из полицейского участка, проводя все дни свои в неустанных трудах на благородном поприще защиты законопослушных обывателей. Она и подумать не могла, что ей придется когда-либо просить его помощи!

«Дорогой Константин Митрофанович! У нас превеликая беда. Не знаю, как и сказать. Андрей пропал, уже как неделю. Ни письма, ни записки, вообще никаких следов. Я делаю вид, что ничего не случилось, пансион работает, девочки учатся. Я веду все дела сама. Говорю, что господин директор в отъезде по срочным делам. Но ведь так долго продолжаться не может! Боюсь скандала, родители тотчас же разберут детей, и тогда пропало дело всей Андрюшиной жизни! И это теперь, после тех неприятных для репутации нашего пансиона статей в газетах с немыслимыми обвинениями в наш адрес! Ума не приложу, что с ним сталось. Вы ведь его знаете, он человек обстоятельный, легкомысленные порывы ему не свойственны. Впрочем, я готова принять любую новость, которая прояснит ситуацию. Пребываю в величайшей тревоге. Молю, сохраните мое письмо в тайне от кого бы то ни было. Надеюсь, что откликнетесь.

Ваша Аполония Хорошевская».

Запечатав письмо, молодая женщина позвала горничную и приказала отправить письмо немедля. На конверте она написала домашний адрес Сердюкова. Ничто не указывало на то, что оно адресовано полицейскому следователю.

Горничная, выходя из комнаты, уже в дверях вдруг остановилась:

– А Андрей Викторович скоро будут?

Аполония вся внутренне сжалась.

– Вероятно, скоро. А на что он тебе?

– Так ведь жалованье обещали прибавить в этот месяц. Ведь я и у старших барышень в дортуаре прибирала, когда их горничная захворала.

– Да, да, конечно! – торопливо проговорила Аполония и поспешила в другую комнату за деньгами. – Вот тебе, а теперь поскорее отправь письмо!

– Премного благодарствуйте! – Горничная скользнула цепким взором по немного растерянному лицу барыни и быстро вышла вон.

«Догадывается! Плохо я умею лгать! Актриса из меня негодная! Господи, помоги Андрюше! Куда же он запропастился?»

Аполония Станиславовна глянула на себя в зеркало. Лицо было бледное, выражение лица слишком напряженное. Она почти бездумно провела щеткой по пышным темно-русым волосам, собранным в высокую прическу валиком. Попыталась улыбнуться, вышло плохо, кисло.

Из-за дверей неслась трель звонка. Пригладив и без того безукоризненный белый кружевной воротничок, она глубоко вздохнула и вышла из директорских апартаментов с высоко поднятой головой.

Навстречу ей попадались учителя, спешившие в классы с книгами, картами, чучелами. Пансионерки в темно-зеленых платьях с пелеринами при виде любимой начальницы сделали глубокий реверанс и хотели было обступить ее с веселым щебетаньем, но на сей раз госпожа Хорошевская их разочаровала:

– Ступайте, ступайте, милые дети, по классам! Мне нынче некогда. У меня много дел!

Девочки разбежались, и только одна, маленькая и очень хрупкая на вид, прижалась к ее руке.

– Лизонька! Дружок! Ты что-то грустна нынче?

Она погладила девочку по головке с особенным чувством. Лизонька приходилась директрисе родной племянницей. В пансионе она была первый год, скучала по дому, и даже присутствие любящей тетки не скрашивало тоски ребенка по матери.

– Маменька нынче снилась! Проснулась, а ее нет. Я даже заплакала! – тихо пролепетала малышка.

– Полно, Лиза! Ты опять плачешь! Посмотри, сколько вокруг милых и веселых девочек! Они не плачут, хотя тоже скучают по своим родителям. А ведь подле них нету, как у тебя, дяди и тети.

Аполония старалась казаться бодрой, но чуткое сердце ребенка угадывало тревогу тетки.

– Андрей Викторович скоро вернется? Он вместе с моей мамой приедет? Да?

– Вот уж не знаю, как на этот раз получится.

Аполония снова погладила девочку по светлой головке, украшенной черным атласным бантом. Муж действительно частенько, когда бывал в столице по делам, заезжал к своячении.

Раздался пронзительный звонок. Швейцар Яков, в обязанности которого входило не только смотреть за парадным входом, но и подавать звонки на уроки, с усилием тряс большим медным звонком, гулкий звон которого разносился по всему зданию пансиона.

День полетел стремительно. Аполония взвалила на себя весь груз забот: проводила занятия, решала хозяйственные проблемы. Но чем бы она ни занималась, тревога неотступно грызла ее сознание. Конечно, Андрей молодой, привлекательный мужчина. Говорят, у всех женатых мужчин, какими бы примерными семьянинами они ни были, случаются посторонние связи, скоротечные романы. Наверное, она уже немного ему надоела, со своей непомерной лаской, неистовой, ненасытной любовью. Она слышала также, что мужья иногда сильно пьют, себя забывают. Андрей не из таких, но ведь всякое может приключиться! Только бы он объявился живой и невредимый. А там уж они разберутся. Только бы не вышло наружу. Очередного скандала пансион не вынесет, все пойдет прахом!

– Сударыня! Вы слушаете меня? – неожиданно резко раз-

далось рядом.

Она уже минут десять разговаривала с учителем истории и философии господином Мелихом, но так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла о собеседнике.

– Мне кажется, сударыня, что вы не совсем правильно поняли меня. Мы говорили с господином директором, что он уж нынче сам рассмотрит предложенный мною план лекций. Я корпел над ним весь прошлый год! Ведь это была идея господина директора!

– Да, да! – поспешно ответила Аполония. – Я понимаю вашу озабоченность. Конечно, Андрей Викторович непременно вызовет вас к себе тотчас, когда прибудет. Не беспокойтесь, ваш труд, несомненно, будет оценен по достоинству.

Она поторопилась отойти от учителя. Тот уже намеревался познакомить ее с содержимым увесистой папки, которую сжимал под мышкой.

К вечеру, когда занятия в классах закончились и пансионерки и старшего и младшего класса разошлись по своим дортуарам, Аполония поспешила укрыться за дверью директорской квартиры. Вдруг она услыхала, как во двор въезжает экипаж.

Господи, неужели Андрей? Неужели Господь услышал ее мольбу? Или, может, это Сердюков уже получил письмо и примчался быстрее ветра? Она нетерпеливо выглянула в окно, не дожидаясь доклада горничной. Из роскошного ландо плавно вышла нарядная женщина. Приезжая подняла голо-

ву, ища взглядом окна квартиры директора, и, заметив Аполонию, приветливо помахала рукой. Это была старшая сестра Аполонии Аделия, мать Лизы.

Сестры обожали друг друга, всегда радовались встрече. Но теперь приезд Аделии оказался некстати. Аполония не хотела раскрывать ужасную тайну до выяснения каких-либо обстоятельств, но и притворяться перед сестрой она не могла, слишком хорошо они знали друг друга.

Через минуту гостья уже вплывала в гостиную. Аделия носила траур по мужу. Но даже вдовьи одежды не заглушали в ней врожденного вкуса и изящества. Некоторые вдовы кокетничают в своем черном убранстве. Аделия не принадлежала к породе таких безнравственных особ. Ее горе было безмерно, и она носила траур с особым чувством. Черное платье, став ее основным нарядом, отличалось изысканным вкусом и своеобразием: чего стоили одни плерезы – эти печальные символы невосполнимой утраты, нашитые по вороту и рукавам платья!

Сестры были очень похожи, обе высокие, полногрудые, статные. Правда, Аполония всегда считала Аделию более привлекательной. Большие, ласковые серые глаза сестры казались бездонными, притягивали к себе, проникая взглядом в самую душу.

Они нежно поцеловались.

– Ты бледна нынче. Нездорова? – Аделия сняла перчатку и провела мягкой рукой по щеке сестры.

– Просто устала.

– Яков сказал, что Андрей Викторович в отъезде? Отчего он не зашел к нам?

«К нам. Она все еще говорит так, хотя живет одна», – молниеносно пронеслось в голове у Аполонии.

– Не знаю, вероятно, дела, – спокойно ответила Аполония и, чтобы перевести разговор, сразу спросила: – Как там Лека?

– Чудит по-прежнему. Но я ее давненько не видела, – со вздохом ответила Аделия. Таким тоном обычно говорят либо о неизлечимых больных, или о запойных пьяницах.

Лека, Леокадия, третья и самая младшая из сестер Манкевич, единственная оставалась незамужней и вела весьма вольный образ жизни, чем повергала старших сестер в большое уныние.

В это время снаружи раздался довольно громкий звук. Кот упорно царапал дверь. Аделия поспешно отворила, и в квартиру важно вступил огромный пушистый белый кот. Он вошел, горделиво подняв хвост, чувствуя себя тут хозяином. Потянулся передними лапками, потом задними, размял спину и уселся, вперив в гостью лукавые голубые глаза.

– А, Жалей! Милый котик! Пришел со мной поздороваться? – Гостья приветливо потрепала его. Жалей позволил ей эту вольность, а потом прыгнул на диван и растянулся там, не сводя с женщин внимательного взгляда.

– Как моя Лиза? – мимолетно поинтересовалась Аде-

лия, расхаживая по комнате и раскладывая предметы своего изысканного гардероба: шляпу с вуалью-паутинкой, перчатки, тальму. Она старалась не попасть в кошачью шерсть: белые волоски на черном так заметны. Беспорядок в комнате ей очень не нравился, но она не стала говорить об этом вслух, лишь подумала: «Все-таки никудышная горничная у Поли, плохо сметает и пыль, и шерсть!»

– Лиза здорова, только скучает. Нынче опять плакала.

– Пошли за ней, хочу ее видеть поскорее, мою девочку!

Аполония медлила.

– Деля, родная, я понимаю твои чувства. Но ты всякий раз игнорируешь мою просьбу не вызывать Лизу из дортуара, когда все дети уже угомонились и готовятся ко сну. Поднимется шум, гам, разговоры, недовольство, что племяннице директора предоставляются особые условия. Она начнет плакать, будет просить оставить ее ночевать здесь, с тобой. Нехорошо выйдет перед другими детьми.

– Да, все правильно. Но теперь, когда мы с ней остались одни, я каждую минуту ощущаю ее отсутствие. Это невыносимо тяжело для нас обеих. – Аделия недовольно повела плечами, ей не хотелось доставлять сестре неприятности, но и отказаться от желания тотчас же обнять своего ребенка она не могла.

– Неужели ты приехала, чтобы забрать Лизу домой? – догадалась Аполония и с отчаянием подумала: «Час от часу не легче! Что скажут другие родители, когда узнают, что из

пансиона забрали племянницу директора? Значит, все слухи и подозрения верны! О, нет, только не теперь!»

Аделия выглядела смущенной. Ей совершенно не хотелось вставлять палки в колеса делу сестры и зятя. Но в последнее время у нее неожиданно появилась тяжесть на сердце. Такое же странное чувство она испытала тогда, накануне гибели Антона Ивановича, обожаемого супруга.

– Прошу тебя, не надо так расстраиваться. В сущности, я еще ничего не решила, – примирительным тоном ответила Аделия, но сестра поняла, что решение уже принято.

– Но неужели вы поедете сейчас, на ночь глядя?

– Разумеется, нет. Я переночую, а утро вечера мудренее. Прикажи чаю подать, а то я уморилась в дороге.

Аполония позвонила горничной и распорядилась насчет легкого ужина. За столом разговор не клеился, это еще больше обеспокоило заботливую Аделию. Она трепетно относилась к сестрам и опекала их по праву старшинства. Аполония чем-то встревожена и озабочена, да так сильно, что не слушает разговора, теряет нить беседы.

После ужина, прочитав вечернюю молитву, гостья устроилась поудобнее на широком диване, на котором ночевала всегда, когда приезжала погостить к сестре. Нехорошо, однако, что она не повидалась с дочерью и даже не сказала ей, что приехала. Ну да ладно, завтра утром явится перед Лизонькой, точно фея из сказки. И Аделия с улыбкой представила себе бурный восторг ребенка.

Сон на этот раз был тревожным. Она просыпалась несколько раз, прогоняя неприятные сновидения и ворочаясь с боку на бок. С чего бы это? Здесь, далеко от шумной и пыльной столицы, среди леса, на берегу реки Тосны, ей всегда спалось очень хорошо и сладко. Проснувшись в очередной раз, она увидела, что из-под двери комнаты сестры пробивается свет. За окном чуть зарождался день, но ночная мгла еще не разошлась. Аделия с трудом поднялась и, кутаясь во фланелевый капот, пошла к Аполонии. Та сидела около стола с зажженной лампой, в ночной кофте, с распущенными волосами и плакала. На коленях, уперев в ее грудь широкие лапы, неподвижно замер Жалей. Видимо, это продолжалось уже давно, так как нежное лицо сестры опухло от слез.

– Что ты? – испугалась Аделия. – Да что тобой?

– Андрей пропал! – в отчаянии выпалила Аполония. Она пошевелилась, и кот, недовольный переменой положения хозяйки, спрыгнул с колен.

– Как так пропал? Что значит пропал? Он же не ребенок! Это взрослый человек! И куда он мог пропасть? Ведь пансион твой, на твое приданое открыт, куда он мог без денег податься? – изумилась Аделия.

– Я совершенно теряюсь в догадках. Я ничего не понимаю!

– Давно?

– Уже как неделя!

– И ты молчала? – Аделия всплеснула руками. – Ты в полицию заявила?

– Помилуй, Деля, какая полиция! Огласка совершенно невозможна в нашем деле! Правда, я нынче написала письмо Андрюшиной родне, Сердюкову, ну тому, что в полиции служит. Просила его о приватной помощи.

– Так… вот, значит, в чем дело! – протянула Аделия. – То-то, я вижу, ты вроде как сама не своя. А может быть, у него любовница? Может, он сбежал с вашей казной?

– О… о… нет, – только это и смогла вымолвить Аполония..

Светало. За окном послышалось пение птиц. Пора было приводить себя в порядок и встречать новый день, опять улыбаться, изображать деловитую озабоченность.

– Теперь я понимаю, почему ты так болезненно отнеслась к моим желаниям забрать Лизу. Поля, девочка моя родная! Ты же знаешь, что я болею за тебя и Леку всей душой. Хорошо, теперь я не стану ее забирать, повременю. Пока история с Андреем не разрешится.

– Благодарю тебя! – Сестры пылко обнялись. – Я всегда знала, что ты мой верный друг. Наш друг, – добавила она, помедлив.

«Боже, неужели и меня не минует сия чаша?» – с замиранием сердца подумала Аполония. Призрак вдовства замаячил перед ее взором. Нет, нет, она не собирается хоронить мужа. Нет, с ним ничего страшного не случилось. Загулял,

запил, сбился с дороги, что угодно. Нет, нет, он жив… жив.

– Уроки в классах еще не начались? – спросила Аделия.

Аполония бросила взгляд на большие напольные часы. Еще не было и половины восьмого, занятия начинались в девять часов. Пансионерки поднимались по распорядку в семь часов утра. Конечно, это рановато для маленьких неокрепших душ. Но это ничто по сравнению со спартанскими условиями Института, в котором обучались сестры Манкевич. Там воспитанницы поднимались в шесть утра, и эти ранние побудки запомнились сестрам как один из главных кошмаров их институтской юности. Поэтому, став директрисой частного пансиона, Аполония подарила своим ученицам лишний час сладкого утреннего сна.

– Пошли за Лизонькой. Пусть знает, что я приехала.

В это время за дверью директорской квартиры раздался шум и послышались испуганные голоса. Через несколько мгновений перед директрисой предстали дортуарная горничная младшего класса и классная дама. Обе женщины были бледны и перепуганы насмерть. Но когда они увидели Аделию, то обе просто обомлели.

– Мадемуазель Синицкая? В чем дело? – строго спросила Аполония, но по ее спине уже пробежал предательский холодок жуткого предчувствия.

– Мадам… Мадам… не знаю, как и сказать, что думать, мадам… – пролепетала классная дама, переводя полный ужаса взгляд с директрисы на ее сестру.

– Ваша племянница, мадам, Лиза Липсиц… она… она пропала!

Аполония и Аделия посмотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. В глазах Аделии все стало двоиться, расплываться, и она с шумом упала на пол.

Глава 2

Аделия сидела в кресле, около нее стоял Антон. Аделия улыбнулась, и на душе стало спокойней, как и всегда, когда она видела или слышала мужа. Но тотчас же острая мысль пронзила ее. Этого не может быть. Не может Антон Иванович с ней разговаривать! Аделия тряхнула головой и поняла, что это только плод ее воображения, спасительный обман, иллюзия, за которую она приняла хлопотавшую вокруг нее горничную, коей было поручено помочь мадам Липсиц.

– Где Аполония Станиславовна? – испуганно спросила Аделия.

– Бросились искать вашу дочь, сударыня! – Горничная заботливо обтерла пот, выступивший на лбу Аделии, и смочила ей виски одеколоном. – Да вы не пугайтесь, найдется! Куда она могла деваться-то отсюда? Спряталась, верно, где-нибудь под кровать, в бельевой, слышит – ищут, а выйти теперь боится! Дети все шалят!

– Нет, моя не такая, она тихая девочка, послушная!

– И тихие шалят, вы уж мне поверьте! – тоном опытного педагога уверила ее горничная.

– Ох, как-то у меня тяжело на сердце, нехорошо, – прошептала Аделия. – Что же так долго не идут, надо и мне пойти искать!

Она хотела подняться, голова закружилась, и женщина

была вынуждена опять сесть в кресло.

– Я капель вам принесу, мятных. Я сейчас, мигом! – И горничная убежала.

Аделия осталась одна, с тревогой ожидая новостей о дочери.

Лиза была единственным ребенком и в семье Липсиц, и у сестер Манкевич. У четы Хорошевских детей не было, а Леокадия упорно отрицала узы брака и бремя материнства, увлекаясь новомодными идеями эмансипации. Аделия не хотела отдавать девочку в пансион: слишком мала и слаба здоровьем. Она как чувствовала, что ничего путного из этого не выйдет. А ведь именно Антон тогда решил, что для поддержания престижа заведения его дочь, дочь банкира Липсица, будет учиться в пансионе Хорошевских. От его поддержки вообще многое зависело и в жизни пансиона, и во всей жизни сестер Манкевич.

Антон Иванович Липсиц стал опекуном барышень Манкевич, когда вдруг неожиданное сиротство свалилось на их несчастные головки. Их отец, статский советник, человек состоятельный, служил в Министерстве финансов. Его неожиданная скоропостижная кончина поставила семейство в очень затруднительное положение. Старшие девочки Аделия и Аполония учились в Институте. За их обучение каждый год исправно вносились солидные суммы. Овдовевшая госпожа Манкевич, желая, чтобы и третья дочь не была обой-

дена судьбой, ходатайствовала о зачислении младшей девочки в Институт за казенный счет. В память заслуг супруга ее прошение на высочайшее имя было удовлетворено. Все три сестры оказались в стенах одного учебного заведения, только Аделия уже готовилась к выпуску, Аполонии предстояло учиться еще год, а Леокадия только начала свой трудный путь на поприще наук. Каждую неделю по четвергам и воскресеньям в Институте открывались двери для родных и близких воспитанниц. Госпожа Манкевич, высокая дама с гордой посадкой головы, безукоризненной прической, всегда являлась одетая модно и изысканно. Этому правилу она не изменила, став вдовой. Вот откуда у Аделии умение носить траур.

Когда она являлась, дежурная классная дама посылала приставленную к ней ученицу оповестить.

– Манкевич Деля, Манкевич Поля! К вам приехали!

Они мчались вниз, в большой приемный зал, где среди прочих гостей воспитанниц всегда гордо и величаво восседала их мать. Но как бы быстро ни бежали Поля и Деля, высокие, чуть полненькие девушки, Лека всегда их опережала. Маленькая и юркая, она уже обычно висела на шее у матери и канючила:

– Маменька, милая, ну заберите меня с этой каторги! Нет мочи терпеть!

Мать только сдержанно улыбалась. Она сама окончила Институт и справедливо полагала, что в его стенах все три ее

дочери получат самое достойное воспитание. Она не желала, чтобы они целый день толпились дома, причиняя ей бесконечную головную боль своими детскими проблемами. Каникулы супруги Манкевич переживали с трудом. А теперь, когда она осталась одна… Нет, нет, и речи быть не может.

Стоны и жалобы Леки были вполне объяснимы. Из всех девочек Манкевич эта оказалась самой непоседливой и непослушной. Ей без труда давались знания, но совершенно невозможно было приучить ее к строгой дисциплине учебного заведения: рано вставать, заплетать особым образом косы, подвязывать белые рукавчики, передник, мудрить с бантом пелерины. Да еще соблюдать строгий распорядок дня, слушаться занудную классную даму, зубрить уроки, делать правильный реверанс. Лека часто нарушала дисциплину, и ее, по обыкновению, записывали в рапорт, куда классные дамы заносили все провинности воспитанниц для доклада начальнице. Аполония и Аделия учились хорошо и отличались примерным поведением. Им очень часто приходилось выслушивать замечания насчет своей сестры.

Мать привозила им гостинцы, сладости, которые поедались со стремительной скоростью. Несъеденное тайно от всевидящего глаза классной дамы уносилось и пряталось в дортуаре, чтобы потом утолить постоянный для растущего организма голод.

Однажды Аделию вызвали в кабинет начальницы Института. Классная дама, усталая женщина средних лет, вдруг

неожиданно погладила воспитанницу по голове с неведомой доселе жалостью. Девушка испугалась и оробела. Классные дамы вели себя по отношению к ученицам очень строго и отстраненно. Поэтому всякое проявление неподобающих чувств порождало недоуменный вопрос и страх. Когда Аделия вошла в кабинет начальницы, благообразной старухи, затянутой в синее шелковое платье, то увидела там своих сестер. Они тоже выглядели испуганными и робкими.

– Дети! – глухим голосом произнесла начальница. – Милые дети! Я вынуждена сообщить вам прискорбную весть. Ваша матушка скончалась.

Присутствие начальницы и классных дам не могло сдержать горя и отчаяния бедных сирот. Они зарыдали в голос. Три разорвавшихся сердца, три пушинки на волнах судьбы. Кому они теперь нужны, кто позаботится о них? Выждав, пока первый шок от ужасной новости пройдет, начальница добавила:

– Конечно, так как деньги за вас внесены, вы продолжите учиться в Институте. По решению Опекунского совета, вашим опекуном назначен господин Липсиц. Насколько мне известно, он был знаком с вашим батюшкой. Господин Липсиц порядочный человек, и он достойным образом распорядится вашим наследством. Вы не бедные церковные мышки. К тому же в стенах нашего заведения вам прививаются высокие нравственные принципы, которые помогут вам выстоять в жизни и с достоинством перенести удары судьбы. И

потом, вас все-таки трое. Держитесь друг за друга, и вы не пропадете.

Осиротевшие дети по дозволению начальницы провели следующий день в лазарете. Они горько плакали и без конца повторяли: «Что с нами станет теперь?» Потом были похороны, куда они отправились в сопровождении одной из классных дам, а затем институтская жизнь покатилась своим чередом, только с той разницей, что по четвергам и воскресеньям к девочкам Манкевич никто не приезжал. Аделия и Аполония без конца размышляли, куда же им податься после выпуска. Особенно тревожно было Аделии. Раньше, когда она думала о своем будущем, оно рисовалось ей точь-в-точь как жизнь их матери. Блестящее замужество, семейная жизнь, дети. С единственной разницей: собственное дитя она хотела бы оставить при себе и воспитывать сама. Ей очень не хватало семейного тепла, общения с родителями! Теперь, когда их не стало, ощущение недостатка родительской ласки и любви особенно усилилось. Лежа без сна в холодном темном дортуаре, общей спальне для девочек, она постоянно терзалась мыслями о том, как жестоко поступает с ними судьба. Но если бог даст, все образуется, она будет любить и опекать сестер вместо матери.

Однажды в приемный день Аделию позвала дежурная. Недоумевающая девушка вышла в приемную залу, испуганно озираясь. Ведь их некому было навещать. Дежурная классная дама, важно вышагивающая посередине залы, по-

дозвала ее к себе.

– Ступай вон туда, видишь, высокий господин и дама в летах. Это ваш опекун господин Липсиц и его мать. Они желают побеседовать с тобой.

Девушка робко приблизилась к посетителям. Дородная пожилая дама смерила ее строгим взором.

– Здравствуйте, барышня! – произнесла она. – Вы, наверное, не помните нас или плохо помните. Мы бывали в вашем доме при жизни ваших родителей. Я и мой сын Антон Иванович Липсиц.

– Увы, мадам, я не помню вас, – пролепетала Аделия. – Нас редко отпускают домой, только в каникулы.

– Да уж! Наслышаны о ваших строгостях! – ответила мадам Липсиц. – Только это все ни к чему!

Она хотела продолжить свою речь о пагубности подобного рода заведений, но ее перебил молодой мужчина, стоявший рядом:

– Маман, прошу прощения, но прибыли мы сюда не затем, чтобы клеймить недостатки женского образования.

– Ах, да! Ну, конечно! – Она отмахнулась от собственных мыслей и в первый раз улыбнулась девушке. – Милая, мой сын теперь ваш опекун. Теперь вы и ваши сестры не пропадете. Ваши деньги не достанутся ловким мошенникам и ловцам неопытных душ. Вы можете на него положиться. Его знает весь Петербург. – Она с гордостью посмотрела на сына.

Девушка подняла глаза на посетителя. Мужчина пока-

зался ей огромным и почти квадратным: квадратные плечи, квадратом подстрижена бородка, из-за чего и голова казалась не совсем круглой, густые брови, волосы короткие, плотно прилегающие к черепу. Антон Иванович протянул свою большую руку, тоже квадратную, и, ухватив мягкие пальчики, легонько притянул их к себе и поцеловал.

– Вы чем-то напуганы, мадемуазель? Впрочем, я догадываюсь. Вас приводит в тревожное состояние ваше нынешнее положение, не так ли?

– Да, именно так.

– Успокойтесь. Я списался с вашей дальней родственницей из Калуги. Она согласна принять вас в свой дом и заботиться о вашей судьбе. Что касается судьбы ваших сестриц, то пока этот вопрос не решен. Однако я думаю, что в скором времени решится и он.

Аделия сдержанно поблагодарила за хлопоты, но внимательный взгляд гостя не мог не заметить разочарования, промелькнувшего на ее лице. К престарелой, совсем незнакомой тетке, в Калугу, в глушь, из столицы! Боже, что она там будет делать, из каких женихов выберет себе мужа? К тому же если она уедет, то расстанется с сестрами, которых, по-видимому, также распихают по родственникам? Вряд ли дальняя родственница согласится принять в дом трех молодых девушек. От этих унылых мыслей на глазах Аделии навернулись слезы. Но она не могла позволить себе плакать перед чужими людьми.

В это время подошли познакомиться с опекуном Аполония и Леокадия. Мадам Липсиц оценивающе оглядела сестер, и по ее взгляду и интонациям стало понятно, что ей более всего понравилась малышка Леокадия.

– Из вас вырастет очень яркий цветок, моя милая! – сказала она младшей Манкевич, потрепав ее за розовую смуглую щечку. – По всему видно, что пагубное влияние этого казенного заведения еще не отразилось на вашей юной натуре и цвете вашего лица!

Леокадия лукаво улыбнулась и скромно опустила глаза. Она хоть и была мала, но уже привыкла, что из трех сестер именно ее называют хорошенькой, привлекательной, милой. Старшие сестры были девушки высокие, слегка склонные к полноте, с толстыми темно-русыми косами и большими серыми глазами. Только у Аполонии носик был чуть уточкой, а у Аделии с горбинкой. Лека же была небольшая ростом, костью тонкая, с темными волосами и темно-зелеными глазами. В отличие от молочной кожи сестер ее кожа была смугла. Одним словом, Лека совсем не походила на сестер. Но все объяснялось просто: старшие – мамины дочки, а младшая – папина. Она унаследовала только его черты. Лека всегда кичилась своей непохожестью перед сестрами и дразнила их:

– Среди двух больших дубин рос прекрасный георгин.

– Среди двух прекрасных роз мухомор поганый рос, – в один голос отвечали сестры.

Знакомство с опекуном и его матерью внесло некоторое

оживление в разговоры сестер. Может, их возьмут в дом опекуна на Рождество? Быть может, господин Липсиц передумает, и Аделию не отправят в калужскую ссылку?

Глава 3

Мечты иногда сбываются. Особенно если об одном и том же страстно мечтают три юных существа, с жаром обсуждают между собой и без конца рисуют в головах всевозможные картины будущего.

Накануне каникул, перед Рождеством, многих девочек уже разобрали родственники по домам, и Институт стремительно пустел. Швейцар только успевал отворять двери и называть фамилии воспитанниц.

В тот день неожиданно появился нарядный и важный, как павлин, лакей с письмом на имя начальницы. Как вскоре выяснилось, в этом письме господин Липсиц просил разрешить сестрам Манкевич провести рождественские каникулы в его доме при строгом досмотре его достопочтенной мамаши. Сестры, узнав радостную новость, захлопали в ладоши и запрыгали. А ведь они уже представляли себя одиноко скучающими в стенах пустого Института и елку в квартире начальницы, куда обычно собирали детей, которых по разным причинам не взяли домой родители.

– Мадемуазели! Как можно так шуметь! Фи! Точно дикие козы прыгаете! – сердито проговорила классная дама младшего класса. На самом деле она обрадовалась, что хоть на время каникул избавится от этой несносной девчонки Леокадии. И как это родителям угораздило дать ребенку столь

неподходящее имя! Волчок, сверчок, трещотка, неугомонная болтушка – вот как надо было ее назвать!

Справедливости ради следует заметить, что батюшка в церкви нарек девочек Авдотьей, Прасковьей и Лукерьей. Но можно ли было в девятнадцатом веке жить с такими простонародными именами!

В большой карете в сопровождении лакея девочек доставили в просторный дом Липсица на Большой Морской. Дом родителей тоже был просторный и хорошо обставленный. Девочки хотели побывать там, но Липсицы их отговорили. Дом заперт, прислуга распущена, мебель зачехлена. Вот на кладбище их отвезут обязательно.

Сестрам было отведено по комнате. Прислуга радовалась милым барышням и баловала их. Горничные жалели сироток: то яблоко принесут, то пирожок, то конфетами угостят.

Шла подготовка к празднику. Мадам Липсиц вносила небольшие поправки и мелкие детали в бальные наряды девушек. Платья, в которых им надлежало появиться на празднике, шились еще при матери. У старших девочек были длинные шелковые платья розового цвета с кружевной мантильей и роскошным бантом на поясе – у Аделии лилового цвета, а у Аполонии алого. Леокадию нарядили в прелестное платье из кисеи. Оно не доходило до пола и открывало взору стройные длинные ножки маленькой кокетки, обутые в прюнелевые туфельки с матерчатыми розочками.

В гости к хозяевам съехались родня и несколько дру-

зей Антона Ивановича. Присутствие молоденьких девушек внесло в чинное празднование Рождества в бездетном доме приятную оживленность. Когда в гостиной зажгли нарядную елку, заиграл рояль, гости зашумели и засмеялись. Одна Аделия не радовалась. Глядя на сверкающие огни, переливающиеся игрушки, она с болью вспоминала, что еще полтора года назад они всей семьей так же весело и дружно праздновали Рождество и Новый год. Так же ставили елку, которая пахла морозом и смолой, украшали ее, прятали под пушистые ветви подарки. А теперь они сиротки и безмятежное детство в безвозвратном прошлом. Слезы стали капать на шелк платья. Девушка поспешила смахнуть их, но только еще больше размазала по лицу. Вот стыд и срам! Аделия наклонила голову, чтобы пышные кудри скрыли ее лицо, и поспешила выйти. Она прошла через столовую, в которой лакеи накрывали роскошный стол, сервируя его серебром и свечами, миновала хозяйскую библиотеку и оказалась в зимнем саду. Запах растений, нежное журчание фонтанчика немного развеяли ее печаль.

– Куда же это вы убежали? Неужели вам не понравилась елка? – неожиданно совсем рядом раздался громкий голос хозяина дома. Антон Иванович в бархатном сюртуке и ярком галстуке появился из-за кадушки с пальмой.

– О нет! Елка чудная! Замечательная! Но она напомнила мне наш дом и елку с родителями!

Аделия подавила в себе новое желание разрыдаться.

– Бедное дитя! Вы так страдаете от своей потери! К сожалению, мы не властны над поворотами судьбы.

Антон Иванович прикоснулся широкой ладонью к ее голове, но так, чтобы не помять прическу, над которой все утро колдовал приглашенный парикмахер.

– Я стараюсь не раскисать, ведь я старшая! Но что ждет меня по выходе из Института? Как я буду жить вдалеке от сестер?

Антон Иванович промолчал, но Аделия и не ждала от него ответа. Она, скорее всего, разговаривала сама с собой.

– Мне так не хватает наших родителей, домашнего тепла, их заботы и ласки! Конечно, спору нет, Институт много дает воспитанницам. Но я бы теперь, не задумываясь, променяла все свои знания, подруг, все, все на те мгновения с родителями, которых я была лишена. Мои сестры меньше меня осознают эту потерю, особенно Лека. Именно поэтому я бы хотела забрать ее потом из Института, чтобы она была рядом со мной, чтобы мы жили одной теплой дружной семьей. Но вряд ли такое теперь возможно, – добавила она печально.

– Значит, семейные ценности для вас важнее всего в жизни? – спросил Липсиц.

– Да, теплота дома, близких людей – вот что для меня важно. Поэтому все годы, что я провела в Институте, меня ужасно угнетали казенные стены, холодные дортуары, эти ужасные медные умывальники, у которых мы толпимся по утрам. Бр! Там только холодная вода. А классные дамы! Они

так строги и неприступны, их не трогают наша боль и волнения. Для них главное, чтобы мы были правильно причесаны и одеты, ходили парами, не разговаривали громко, не бегали, не кричали. А дома, с маменькой, было так хорошо, так чудесно, так свободно и радостно!

Аделия грустно улыбнулась. Антон Иванович задумчиво слушал девушку.

– Я не предполагал, что вы имеете именно такой склад ума. Мне казалось, что барышни, воспитанные Институтом, э… – он замялся, – далеки от жизни и, некоторым образом, умозрительно представляют себе реальность за стенами казенного заведения, имеют некие возвышенные, мечтательные воззрения.

– Не умеют вести домашние счета, распекать горничную, готовить обед, штопать и вязать? Это вы имели в виду? – Аделия улыбнулась сквозь слезы.

– Да, наверное. Но я не хотел вас обидеть.

– Нет, нет, вы нисколечко не обидели меня! Нас учат ведению домашнего хозяйства, у меня есть тетрадка с рецептами. У меня и Аполонии по домоводству высший балл – 12! – произнесла девушка с гордостью.

Антон Иванович рассмеялся. Его подопечные оказались чудными барышнями. Он подумал о том, что и у него может быть такая же дочь, милая, добрая. Дочь или… жена. Антон Иванович, широкоплечий и бородатый, казался намного старше своих лет. Однако ему еще не исполнилось и тридца-

ти. Многие его товарищи уже обзавелись семейством. Он же все пребывал в раздумьях на сей счет. Антону Ивановичу не хотелось спешить. Он ко всем делам подходил основательно. Его мать, Нина Игнатьевна, пыталась руководить выбором сына, постоянно выискивая ему достойную невесту. Но все кандидатки получали неизменный от ворот поворот. И не потому, что Липсиц был капризен или очень разборчив. Нет, просто он полагал, что невесту, которую ведут к алтарю, надо сильно любить. А любовь, похоже, забыла о его существовании. Антон Иванович не искал богатой невесты, потому что сам был богат. Да и времени не хватало на поиски, он много работал. А свахами брезговал, считая этот обычай варварством и азиатчиной.

Каникулы барышень Манкевич пролетели стремительно, и восьмого января они снова оказались в стенах Института. Прибывающие воспитанницы бурно обсуждали домашние впечатления. До глубокой ночи в дортуарах не смолкали разговоры и шепот. Некоторые девушки в величайшей ажитации рассказывали подругам о своих явных и мнимых возлюбленных.

Аделия отделывалась скупыми ответами на многочисленные вопросы. Да и о чем рассказывать? Разве можно выразить словами некое странное чувство, которое поселилось у нее в груди? Она не могла понять, что это: не тоска, не боль, а плакать хочется. И страшно и сладко одновременно. Предчувствие чего-то, но чего?

Через неделю господин Липсиц снова посетил своих подопечных, потом опять, и так стал приезжать, как раньше, бывало, приезжали родители. Мадам Липсиц все реже сопровождала его.

– Что это наш благодетель зачастил к нам? – ехидно спросила Лека после очередного визита опекуна, уплетая одну конфету за другой.

– Это его христианский долг, – пожала плечами Аполония. – А вот твой долг не есть все одной, а поделиться с сестрами!

Аделия промолчала. Она не могла сознаться себе, а тем более сказать сестрам, что каждый раз ждет этих визитов, тщательно причесывается, приводит в порядок и без того идеальное платье.

– Антон Иванович, а отчего вы не женаты? У вас есть невеста? – спросила как-то раз назойливая Лека, пользуясь тем, что она младшая и потому может позволить себе бесцеремонные вопросы.

– Вот, дожидаюсь, пока вы, мой милый розанчик, не подрастете! – отшутился молодой человек. – Но если говорить серьезно, я, милые барышни, в скором времени женюсь.

– Как женитесь! На ком? – в один голос воскликнули сестры.

– Это пока секрет! Но обещаю вам, вы все получите приглашение на торжество.

На следующий день после обеда, когда выдалось немного

свободного времени, сестры встретились в укромном уголке, в глухом коридорчике. Это было их тайное место встреч. Одноклассницы знали об этом месте и иногда прибегали, чтобы известить кого-либо из них о тайной встрече:

– Манкевич! Поля! Тебя твои сестры дожидаются в вашем «секретнике».

Собравшись, девушки принялись обсуждать новость.

– Наверное, ему мамаша невесту выискала! – высказала догадку Поля.

– Я думаю, это одна из тех девушек, которых мы видели в их доме на Рождество, – вяло включилась в разговор Аделия.

– Кто бы она ни была, она запретит ему ездить в Институт. Это точно! – безапелляционным тоном произнесла Лека и заскулила, точно маленькая собачонка: – Опять нас никто навещать не будет, не будут привозить гостинцев!

– Ах, Лека! Ты опять о еде! Точно зверек какой-то! Все время грызешь чего-нибудь! А посмотришь, одни косточки торчат, – с некоторым раздражением, ей несвойственным, произнесла Аделия.

– Зато вы обе версты коломенские, колбасы вареные, – заверещала младшая, и разговор принял совсем другой оборот.

На следующий приемный день Антон Иванович не приехал, не было его и потом. Сестры решили, что молодой человек занят подготовкой к свадьбе. Поэтому, когда дежурная в классе объявила, что к Аделии пришли, та очень удивилась.

Еще больше удивило ее то обстоятельство, что на этот раз не позвали ни Полю, ни Лелю. Она одна сидела подле опекуна.

– Аделия Станиславовна!

Она с изумлением посмотрела на гостя. Отчего он обращается к ней так официально?

– Сударыня! Вы помните наш разговор в зимнем саду под Рождество? По глазам вижу, что помните. Так вот, этот разговор заставил меня посмотреть на вас совсем иными глазами. Я много думал о вас в последнее время и пришел к выводу, что вам совершенно незачем ехать в Калугу к вашей родственнице.

Сердце Аделии затрепетало. Она остается в Петербурге! Она хотела спросить, где она будет жить после выпуска. Но, не успев задать вопроса, услышала ответ.

– Вы не поедете в Калугу, потому что я предлагаю вам стать моей женой.

Девушка молчала и с изумлением смотрела на Антона Ивановича. Господин Липсиц повторил свое предложение:

– Согласны ли вы, госпожа Манкевич, выйти за меня? Разумеется, после вашего выпуска.

– Да! – выдохнула Аделия. – Господи! Конечно, да!

Вот, оказывается, какой подарок припасла для нее судьба! Счастливое предчувствие ее не обмануло!

Антон Иванович смотрел на Аделию и улыбался. Ему хотелось поцеловать нежную щеку, прижать к своей груди это трепетное создание. Но он не мог позволить себе подоб-

ной вольности посреди приемной залы, среди воспитанниц и строгих классных дам. Тем более что одна из них явно прислушивалась к их разговору, пытаясь уловить обрывки фраз. Она ходила кругами и с каждым разом все ближе и ближе подходила к молодым людям. Почему Манкевич теребит и складывает в гармошку свой идеально наглаженный передник? Почему ее уши так горят? Может быть, этот самоуверенный господин говорит о чем-то непристойном? Классная дама не вытерпела и решительно направилась в сторону гостя. В это время Липсиц встал и громко произнес, обращаясь к классной даме:

– Мадемуазель! Проводите меня к ее превосходительству. Я как опекун госпожи Манкевич желаю сделать важное заявление вашей начальнице.

Через час весь Институт гудел от волнения. Чудесная, сказочная история. Несчастная, правда, не бедная сирота прямо из дверей Института идет под венец с добропорядочным и состоятельным человеком. Это ли не мечта каждой девушки!

Глава 4

– Я что-то тебя, голубчик, не пойму! – недовольно пожала плечами Нина Игнатьевна. – Ты что это, на несовершеннолетней жениться собрался?

– Почему же на несовершеннолетней? Ей уже восемнадцать!

– Ах, так ты о старшей говоришь! Батюшки! – Она обмахнула лицо платком. – Да ты как будто не в своем уме. Из этих сестриц только на младшенькую и смотреть-то можно, старшие до того неприглядные! И что ты в ней нашел? Никакой привлекательности, совершенно никакой! Да еще это воспитание институтское, сплошное жеманство, притворство. Научат жену разным наукам, будет мужу указывать, какие книжки читать! Ее покойница мать такая гордячка была, и тоже институтка!

– Маман! Мне моя избранница кажется верхом совершенства и привлекательности. Она не яркая красавица, но мне этого и не надо. Мне нужна верная и нежная супруга, и Аделия сможет стать ею.

– Да когда же ты успел разглядеть-то? – продолжала сердиться мадам Липсиц. Ее второй подбородок угрожающе колыхался. – Да разве я пригласила бы их в свой дом, если бы знала, во что это выльется?

– Матушка, позвольте вам напомнить, что решение при-

гласить девушек погостить у нас принадлежит мне. И решение о своем выборе я также принимаю самостоятельно.

– Ты хочешь остаться без моего благословения? – ахнула мать.

– Я не могу понять причину вашего недовольства моим выбором. Я думаю, вы недовольны именно тем, что не вы, а я сам нашел себе невесту. Простите, не угодил.

Сын сухо поцеловал матери руку.

– Надеюсь, что вскоре вы перемените свое мнение.

С этими словами он удалился. Мать осталась в раздражении и недоумении. Обидным казалось все: что решил жениться не на той, которую она предполагала в невестки, что без обиняков высказал ей свое мнение и что легко пренебрег ее нежеланием принять его выбор. Нине Игнатьевне нечем было припугнуть строптивого сына. Она не могла лишить его наследства, он был богат, гораздо богаче ее самой. Отсутствие благословения тоже не поколебало бы решения Антона. И немудрено, она иногда со страхом думала: «Да верует ли он в Бога?»

– Верую, матушка, верую, – смеясь, ответил сын, когда она однажды рискнула его об этом спросить. – Но только тогда, когда он мне в делах помогает!

Через несколько дней Нина Игнатьевна поостыла. Она знала своего мальчика и знала, что его решение неизменно. Она недоумевала: вокруг столько красивых девушек, и гораздо более богатых. А у этой еще и сестры, о которых при-

дется заботиться и устраивать их судьбу!

– Матушка! – заявил Антон Иванович как-то утром. – Я вчера был в Институте и сделал предложение Аделии.

– Разумеется, оно было принято? – с сарказмом спросила мать.

– Разумеется, – последовал добродушный ответ. – Я говорил с начальницей. Она согласна не препятствовать моим посещениям, при условии, чтобы все было в рамках приличия и не способствовало излишнему возбуждению других воспитанниц. Прошу вас, поезжайте туда, повидайтесь с Аделией и уверьте начальницу в самых благих намерениях нашего семейства. И будьте, пожалуйста, поласковее к бедной девушке, ведь вы скоро станете ей второй матерью. Ей так важны материнская любовь и поддержка!

Когда Аделия встретилась с госпожой Липсиц, та уже смотрела на девушку без прежней улыбки. Бедняжка сразу почувствовала холод и отчуждение. Она никак не могла понять: отчего будущая свекровь с ней так неласкова, почему в разговоре прорываются недовольные интонации? Наивная девушка полагала, что в лице матери мужа она найдет утраченную материнскую любовь. Да и сама Нина Игнатьевна не могла понять, за что она невзлюбила невесту сына. Вразумительного ответа она не находила, хотя раз за разом задавалась этим вопросом.

Другая неприятность ожидала Аделию в лице классной дамы. За все годы обучения девушка никогда не попадала в

рапорт, ее никогда не наказывали, в отличие от других учениц и особенно от младшей сестры. Теперь замечания и наказания посыпались как горох из дырявого мешка: «Манкевич! Почему волосы торчат в разные стороны? Пелерина сидит криво и бант замят! Неряха!» – «Негодница! Опять какие-то посторонние бумаги на парте? Я скажу учителю, чтобы он снова спросил тебя на уроке! Сразу видно, что теперь в голове вовсе не ученье, а разные неприличные мысли!» – «Как затянут корсет? Или на тебе нынче и вовсе нет корсета? Совсем от рук отбилась!» – «Что вы все шушукаетесь по углам со своими сестрами! Это неприлично и бестактно по отношению к другим девицам! Стала невестой и решила, что все позволено? Какой дерзкий взгляд, какая непристойная улыбка! Бесстыдница!»

Раньше Аделия пролила бы реки слез от несправедливых обвинений, но теперь ей было ровным счетом все равно. Скоро, скоро конец всему: ранним вставаниям, зубрежке уроков, холоду спальни, скудным обедам, придиркам и грубым окрикам классной дамы. А самое главное, она не поедет в Калугу, останется в столице, будет жить в собственном доме с таким чудным человеком, как ее жених. Правда, она еще мало его знает, но он не может быть плохим. Любит ли она его? Этого Аделия пока не поняла, но всей душой желала, чтобы страстная любовь к жениху охватила все ее существо.

А что касается классной дамы, так ее можно только пожалеть. Это она от зависти обозлилась. Бедная мадемуазель!

Вся ее жизнь отдана казенным стенам и воспитанницам. Впереди у Аделии любовь и нежная привязанность супруга, а у той – казенная комната, непослушные ученицы, такие же злые, как она, коллеги и тоскливое увядание.

Когда одноклассницы узнали о счастливой перемене в жизни Аделии, то большая часть из них пришла в совершенный восторг. Они готовы были часами сидеть около нее и слушать подробности знакомства, мельчайшие детали, рассказанные уже не один раз. Другие завидовали и не верили, что так просто могло привалить счастье и удача этой невзрачной Манкевич. Они шушукались по углам и, кривя губы, намекали на неприличные обстоятельства сватовства. Мол, недаром время провела на каникулах! Но таких было мало, так как Аделия отличалась такой наивностью и чистотой помыслов, что представить ее в непристойной ситуации было совершенно невозможно.

Сестры тоже по-своему переживали счастливую перемену в судьбе старшей.

– Теперь, вероятно, мне придется поехать к тетушке в Калугу, – грустно пошутила Аполония.

– Нет, что ты! – пылко воскликнула Аделия. – Я заберу вас к себе. Мы будем жить все вместе!

– Вряд ли Антон Иванович согласится на такую обузу, – усомнилась Аполония. – А уж его мамаша и подавно!

Аделия закусила губу. Мечта жить одним домом крепко засела в ее головке.

А потом все смешалось. Выпуск и свадьба слились в ее памяти. Аделия хоть и хорошо училась, но не была первой. При выпуске она не получила заветного шифра, вензеля с инициалами императрицы, которыми награждались лучшие из лучших. Зато над ее головой вознесся золотой венчальный венец. Начальница позволяла выпускницам венчаться в институтской церкви. Сначала состоялся молебен в ознаменование выпуска, а потом было пение церковного хора в честь новобрачных. Когда Аделия с мужем после венчания шла к карете, Лека бросилась к ней на шею, прижалась крепко к плечу, давясь слезами, прошептала:

– Сестричка! Любимая! Не оставляй меня!

Аделия насилу оторвала от себя девочку, перекрестила и твердо произнесла:

– Обещаю тебе памятью наших родителей, что не оставлю вас никогда!

Классная дама приказала Леке вернуться, и та, заливаясь слезами, убежала в дортуар.

Глава 5

Переполох, вызванный исчезновением малышки Липсиц, закончился так же внезапно, как и начался. Девочка обнаружилась в спальне для младшего класса. Вбежавшая туда горничная не поверила собственным глазам, ведь она раз десять осмотрела помещение! Перекрестившись и схватив ребенка в охапку, она потащила ее в квартиру директрисы.

– Где, где ты была все это время? – простонала белая от страха и переживаний классная дама.

Девочка молчала и на все дальнейшие расспросы не проронила ни слова.

– Лизонька, дитя мое, что молчишь? Куда ты подевалась? – тормошила девочку мать. – Может, тебя кто-нибудь обидел?

Девочка продолжала молчать. Аполония с беспокойством вглядывалась в лицо племянницы. Ее широко раскрытые глаза говорили вместо сомкнутых губ: с ребенком приключилось нечто, что она не может осмыслить и пересказать простыми словами.

– Оставь ее. Может быть, позже нам удастся чего-нибудь добиться, – сказала она сестре, которая безуспешно пыталась услышать от дочери хоть слово.

По собственному опыту Аполония знала, что когда дети сильно напуганы или смущены, с ними надо обходиться осо-

бенно деликатно. И тогда по прошествии некоторого времени они могут впустить взрослого в свой маленький мир. Так и произошло. Уже на следующий день, когда еще гостившая в пансионе Аделия задремала с книгой в кресле, Аполония призвала Лизу и посадила к себе на колени. Некоторое время обе молчали. Аполония перебирала русые волосы девочки, доставшиеся ей от сестер Манкевич. Лиза обняла тетку и тихонько прошептала:

– Поля, я видела этого карлика!

Аполония отшатнулась от девочки с неподдельным ужасом.

– Глупости! Ты не могла видеть того, чего не существует!

– Нет, я видела его, – упрямо повторила девочка.

– Хорошо, если ты его видела, то расскажи, каков он из себя?

– Он маленький, но выше меня. И такой весь… какой-то как гуттаперчевый. Глаза маленькие, противные, и весь он противный, гадкий. Гадкий…

Рот ее искривился, и она приготовилась заплакать.

– Погоди, погоди реветь, – строго произнесла Аполония, полагая, что расспросами она убедит ребенка в иллюзорности видения и тем самым успокоит ее.

– А что на нем было надето? Припомни.

– Не знаю, – протянула девочка. – Что-то было надето, пальто как будто, шапка по брови, и волосы торчат… Носом шмыгает… Пальцы такие длинные, холодные и мокрые…

Аполония с недоумением взирала на племянницу. Получалось, что та действительно описывала нечто реально увиденное.

– Он что, трогал тебя?

– Он взял меня за руку и повел.

– Куда? – прошептала осипшим от страха голосом Аполония.

– В свое царство тьмы. Так он сказал. Но я не могла туда идти. Мне было так страшно, я боялась, что меня станут искать и не найдут. Я вырвалась и убежала.

– Боже милостивый! – Это вскрикнула Аделия, которая, притаившись кресле, слышала весь разговор. – И где же то царство тьмы, куда он тебя потащил?

– Я не знаю, маменька! – Девочка стала дрожать и плакать. – Темно было, я не помню, не помню. Я убежала и спряталась под одеяло!

– Полно, полно! Не плачь, не плачь, солнышко! – Аполония прижала девочку к себе. – Тебе привиделся дурной сон! Это видение, так бывает! Ты убежала от своего сна и спряталась, а где, не помнишь. Я тебя понимаю, у меня самой так бывало.

– Какая странная, непонятная история! – Аделия решительно встала и притянула девочку к себе. – Не нравится мне это!

Сестры обменялись многозначительными взглядами. Решение госпожи Липсиц забрать дочь домой еще более окреп-

ло.

Аполония устало направилась в класс. Она должна была провести урок по древней истории вместо Андрея Викторовича. В голове все перепуталось: Рамсес, Солон, Навуходоносор. Она с трудом вспоминала, что объясняла ученицам на прошлом уроке. И еще этот жуткий карлик! Снова карлик! Но ведь это невероятно! Не может одно и то же видение являться разным людям. Когда она вернулась, то нашла сестру в большом волнении.

– Я вот что думаю, Поля. Наверное, это болезнь, когда маленьким девочкам мерещится одно и то же. Передаются же болезни по наследству, наверное, и видения передаются. Вот Лиза и наследует твоего, – она многозначительно подчеркнула, – твоего карлика!

– Я сама обескуражена рассказом Лизы. Но здесь кроется какая-то непонятная особенность. Помнишь ли ты тех учениц, которых в прошлом году забрали родители из пансиона, после чего и начались все наши неприятности? Если ты помнишь, то они тоже лепетали что-то невнятное, вроде видения каких-то маленьких человечков. Тогда это сочли болезнью, переутомлением, дурным воспитанием и прочее. А что, если это один и тот же персонаж? Маленький человечек, он же карлик?

– А как тогда насчет твоего собственного карлика? Как объяснить, что именно твое видение теперь не дает покоя

моей дочери?

Аполония устало пожала плечами, не зная, что ответить. Да где же Андрей, в конце концов?

Воспитанница Института Аполония Манкевич попала в лазарет. У нее был сильный жар, невыносимая головная боль и слабость. Лазаретная дама уложила ее в постель, доктор осмотрел, прописал микстуры и холодные компрессы. Лазаретная горничная хлопотала около больной, непрестанно меняя мокрые полотенца и уксусные примочки на горячем лбу. Девушка металась в бреду. Сквозь туман жара, в горячке уплывающего сознания ей виделись мать, классная дама, доктор, опять мать и сестры. Может, они и впрямь приходили к больной, а может, ей только мерещилось их присутствие. Аполония не могла различить явь и болезненный сон. И вдруг среди всех этих лиц она с удивлением увидела некую странную фигуру.

Небольшого росточка, огромная голова, сморщенное лицо, длинный, с отвратительной бородавкой нос. Девушка силилась понять: кто этот посетитель, пришедший навестить больную? Но утомленное болезнью сознание отказывалось дать вразумительный ответ. Карлик, а ей показалось, что это именно карлик, хихикая и потирая руки, присел на край кровати.

Аполония отодвинулась к стене, чтобы не соприкасаться с незнакомцем, и попыталась спросить его, кто он и что ему

угодно. Однако пересохший язык и воспаленная гортань издали только булькающий звук и надсадный хрип. Морщинистая рука незнакомца откинула край одеяла и прикоснулась к ноге девушки. Та вздрогнула от омерзения и страха. Прикосновение оказалось липким и влажным. Губы карлика снова разъехались в отвратительной улыбке, а огромная бородавка на носу задергалась и затряслась. Аполония собрала все силы и попыталась пнуть незваного посетителя. Ей показалось, что ее нога будто провалилась в вату. Сознание затуманилось, и все исчезло.

На другой день, а может, это было и через день, опять же к ночи, незнакомец снова явился в комнату больной девушки. И снова, не говоря ни слова, потирая руки и отвратительно гримасничая, попытался приблизиться к ее кровати. На сей раз Аполония не стала дожидаться прикосновения липких ладошек карлика и, приподнявшись из последних сил, запустила в него подушкой. Пришедшая поутру горничная только качала головой: «Бедное дитя, какой сильный бред, как разметалась, горемычная!»

Она обтерла воспаленный лоб девушки, подняла подушку и, охая, пошла за лазаретным доктором. Доктор снова обследовал больную, слушал трубочкой грудь, выстукивал костяшкой пальца. Аполония, чуть жива, едва шевеля языком, пыталась поведать доктору о ночном посетителе.

– Карлик, говорите? При такой температуре и бреде и не такое привидится. Пройдет, милая, пройдет. Не бойся, гони

его в шею! А коли не захочет уходить, то мы ему живо клистир поставим и касторкой напоим, сразу убежит! Так и передай своему карлику, скажи, доктор его накажет, если он и впредь тебя побеспокоит.

Аполония слабо улыбнулась и смутилась от шутки доктора. В эту ночь карлик появился снова, но на этот раз девушка уже не боялась его. Едва заметив маленькую щуплую фигурку, Аполония села в постели и принялась звать горничную. При первом же звуке ее голоса незнакомец исчез, криво и зло усмехаясь.

Когда болезнь уже почти отступила, Аделия и Леокадия пришли навестить сестру.

– Ну и напугала же ты нас! – с нежностью произнесла старшая. – Вот, погляди, сколько тебе гостинцев, ешь, поправляйся!

Она стала выкладывать из большого бумажного кулька яблоки, апельсины, конфеты, булки. Аполония задумчиво разглядывала угощение.

– Ты словно не рада ни нам, ни подаркам. Я тогда себе все заберу и сама съем! – рассердилась младшая сестра.

– Лека! Как можно так говорить! – возмутилась Аделия. – Поля еще слаба, доктор сказал, что у нее пока плохой аппетит.

Лека фыркнула. Аппетит! Да перед такой кучей вкусных вещей разыграется даже самый жалкий аппетит!

Аполония, чтобы не обижать сестер, поспешно взяла ру-

мяное яблоко и надкусила его. С треском лопнула плотная кожура, брызнул прозрачный сок. Девушка отложила фрукт и вдруг торопливо стала рассказывать сестрам о мерзком карлике, не дававшем ей покоя. Лека слушала с открытыми от ужаса и любопытства глазами. Она даже забыла о сладостях и фруктах, не доставшихся ей. Аделия поначалу тоже испугалась, а потом ее лицо приняло задумчивое выражение. Спустя несколько дней она снова навестила сестру в лазарете. Под мышкой принесла старый, зачитанный том сказок, французских, немецких, разукрашенных выразительными гравюрами.

– Вот он, твой карлик! – произнесла сестра и с торжеством спасителя бросила на постель больной книгу. Аполония открыла ее и почти тотчас же нашла нужную гравюру. Так и есть, старый знакомый, маленький, морщинистый, со злой ухмылкой на лице и гадкой бородавкой на носу. Девушка почти не помнила самой сказки, но увиденная иллюстрация так запала в ее сознание, что преобразовалась в болезненное видение.

Прошло несколько недель после того, как доктор разрешил пациентке покинуть лазарет и снова приступить к обычным занятиям. Аполония почти не вспоминала о неприятном незнакомце. Но он сам напомнил о себе. Однажды, лежа в темном дортуаре, Аполония не спала и думала о себе, о том, как сложится ее жизнь после выпуска, о сестрах.

Девочки на соседних кроватях спали, натянув одеяла на

головы. В дортуарах всегда стоял холод. Так воспитанниц приучали к здоровой и правильной жизни. Нечего нежиться в жарких и мягких перинах! Продрогнуть ночью, вскочить в шесть утра и мыться ледяной водой из медного умывальника, да еще по пояс! Бр! Правда, Аполонии, как перенесшей тяжкую болезнь, вышла поблажка. Доктор пока дозволил не мыться по пояс в холодной воде, а только ополаскивать лицо и руки.

Повертевшись под тонким одеялом, девушка в очередной раз закрыла глаза и попыталась заснуть. В этот миг ей показалось, что кто-то шепотом позвал ее. Но кто мог звать, да еще ночью? Может, сестры? Она тихонько встала и пошла на цыпочках в конец дортуара, где едва горел ночник. Шепот повторился весьма явственно. Она недоуменно огляделась и тут в дверях, ведущих в коридор, снова увидела карлика. Он точно сошел со страниц книги. Теперь его облик стал более четким, запоминающимся, появились детали одежды, которые она раньше не заметила. А может, их и не было, а появились они потому, что она более внимательно рассмотрела старую гравюру? Поймав себя на этой мысли, Аполония, хоть и боялась незнакомца, решительно произнесла:

– Тебя нет! Я знаю, что ты плод моего воображения. Я еще не совсем здорова, вот ты мне и мерещишься. Не боюсь тебя, уходи прочь, а то нажалуюсь доктору, он тебе живо покажет, где раки зимуют!

Пересказать неприличную шутку про клистир она посты-

дилась. Произнеся эти слова, Аполония взяла лампу и двинулась на противника, выкручивая фитиль так, чтобы лампа горела как можно ярче. Свет лампы разбудил кого-то из девочек, раздался недовольный голос:

– Это кому не спится? Манкевич, это ты полуночничаешь?

Аполония не ответила, прикрыла лампу рукой, чтобы свет не бил в глаза. Когда она приблизилась к двери, то там никого не оказалось.

Карлик, как казалось, исчез навсегда.

Глава 6

Молодой человек среднего роста шел, угрюмо опустив голову. Воротник его серого заношенного пальто был высоко поднят, шарф намотан почти до глаз. На голове была фетровая шляпа. Северный пронзительный ветер продувал насквозь его старое пальто, которое совсем уже не грело. Конечно, оно исправно служило хозяину ранней весной, когда солнце яркое, но тепла еще нет, лютой зимой спасало от снега и ветра, дождливой слякотной осенью защищало от непрекращающихся дождей. Пора, пора тебе, старый друг, на свалку. В тележку старьевщика! Да вот беда, другого пальто нет и не предвидится! Нет также добротных непромокаемых сапог, чистой, не засаленной шляпы и новой, не залатанной рубашки. Да и ужина нынче не видать. Нет, это не жизнь! Это жалкое, ничтожное прозябание. И почему злая судьба послала ему такое испытание? Ведь он был рожден от страстной любви своей матери и богатого, знатного человека. Непонятной осталась только причина того, почему сей достойный господин устранился от обустройства жизни своего незаконнорожденного сынка. Разве его несметные богатства сильно оскудели, если бы он выделил некоторую сумму на содержание своей бывшей возлюбленной и ее сына? Разве бы он разорился, заплатив за обучение молодого человека? О нет! Тогда их жизнь текла бы более спокойно и достойно.

А так его бедная мать угасла слишком рано, оставив его одного скитаться по неприютной земле.

От тоскливых мыслей и пронизывающего холода юноша пошел еще быстрее, почти бегом, словно так он хотел убежать от своей злой судьбы. Он направлялся в Коломну. Там, в доходном доме, на последнем этаже, он ютился в малюсенькой комнатенке. За это жалкое жилище приходилось отдавать почти все деньги, добываемые случайными заработками. Нет, не так должна была сложиться его жизнь. Ведь он красив, талантлив и умен. Пока была жива мать, она что есть сил трудилась, пыталась дать ему образование. Однако единственное, что ему удалось, – сдать экзамен на звание частного учителя с правом преподавания в церковно-приходской школе. Сомнительное достижение! Мир сытых и богатых отверг его, выбросил на пыльную обочину, но он не желает прозябать до скончания своего века. Такие, как он, приходят в мир, чтобы вершить великие дела. Он жаждал власти над людьми! Ликующие толпы, которые внимают ему, тянут к нему свои руки, ловят каждое его слово. Горящие глаза женщин, готовых по мановению руки отдать свое тело его власти, услаждать изысканными ласками.

– Ах, черт тебя побери!

Промчавшийся извозчик обдал незадачливого пешехода жидкой грязью. Омерзительная действительность заставила молодого человека мгновенно очнуться от своих упоительных мечтаний. Как, как вырваться из этой трясины, если для

окружающих ты никто, грязь под ногами?

Пройдя еще несколько кварталов и совсем уморившись, он едва добрел до своего дома. Медленно поднялся по лестнице, давясь затхлым запахом. В крохотной каморке его ждали неустроенность и голод. На столе лежала только книга. Как был, в пальто, не раздеваясь, он рухнул на продавленную кровать, открыл книгу и начал ее читать при тусклом пламени огарка свечи. Эта книга попала ему в руки еще несколько дней назад, случайно дал прочесть один знакомый. Чтение помогало забыть о голоде, будило воображение. Прочитав почти две трети, юноша прикрыл глаза. Кажется, он знает, что ему делать. Если этот мир не желает его принять, впустить, то он войдет туда без разрешения. Без стука. Просто грубо распахнет прежде недоступную дверь ногой и разрушит все, что помешает ему на пути!

С той поры время ускорило свой бег. Осталась позади пора метаний, терзаний, поиска. Он уже давно все решил и, главное, сделал, как задумал. Его жизнь изменилась, заиграла яркими красками, приобрела пряный запах риска. Он перестал скулить и роптать на судьбу, теперь он вершил ее сам, свою и других людей. Каким сладким оказалось это чувство: знать, что от тебя, твоего решения зависит жизнь других людей!

Он упорно шел к вершинам своего величия. Мир бунтарей, нигилистов и бомбистов упорно не желал принимать

его в свои ряды: боялись новичка, провокаций, полицейского «хвоста». Он не отчаивался. Однажды по революционным кружкам прошел слух о немыслимом доселе событии. Арестант, которого препровождали в Петропавловскую крепость, по пути умудрился выбросить из окна тюремной кареты записку товарищам, оставшимся на воле, и в итоге бежал! Немыслимо! Невероятно! Бежать из этих чудовищных казематов, ставших каменной могилой многим узникам! На подобный дерзкий шаг, который еще не удавался никому, мог отважиться только очень лихой и талантливый человек.

Его история передавалось из уст в уста, обрастая подробностями. Его имя стало легендой. Огюст! Так звался он теперь. Пламенный борец с тиранами, не жалеющий ни своей, ни чьей-либо другой жизни. Правда, свою жизнь он все-таки берег – для будущих великих свершений.

С помощью сочувствующих делу свободы Огюсту удалось на время выехать за границу. Естественно, он направился в Женеву, эту Мекку русских политических эмигрантов. Там его с восторгом встретил Бунтарь и тотчас же принял в ряды революционеров, разжигающих пламя революции по всей Европе. А вот Барин встретил настороженно. Его Огюст возненавидел с первого мига знакомства. Этот холеный русский барин обосновался тут, в Женеве, уже более десятка лет, живет в шикарном доме на широкую ногу. Ко всему прочему тоже незаконнорожденный сын, да только более удачливый и богатый. Да, когда-то он звонил в «набат», призывал к сво-

боде слова, свободе народа. Но его время прошло.

Теперь дело за такими, как Огюст. Надо перестать трезвонить о себе на всех углах, надо затаиться, скрыться из глаз. И плести свою паутину. В эту паутину должны попасть все жирные мухи старого прогнившего мира. На их грязные, облитые кровью народа деньги надо вершить справедливое возмездие. Праведный суд по законам царства тирании. Судьей может быть только подлинный пламенный борец за дело свободы. Такой революционер должен отречься от всего лишнего, пустого. Никаких сентиментальных привязанностей. Семья, дети, любовь обременяют, делают революционера слабым, жалким, уязвимым. Все это сближает с теми ничтожествами, разжиревшими и зажравшимися свиньями, которых он призван судить и уничтожать. Во имя торжества свободы не может быть жалости к тиранам, сатрапам, их слугам, их жалким лакеям.

Огюст развернул перед Бунтарем и Барином свою программу создания тайной организации. Дело оставалось за малым, ничтожным обстоятельством – деньги, много денег. Но почему-то денег ему не дали. Это прискорбное и унизительное обстоятельство его не обескуражило. Поскитавшись еще немного по Европе и поняв, что ему здесь более ничего не удастся заполучить, Огюст вернулся в Россию.

Глава 7

Аполония не помнила того первого дня, когда Андрей Викторович появился в стенах Института. Вероятно, это было именно в тот трагический период, когда сестры Манкевич осиротели и, естественно, Аполония не могла думать ни о чем ином, как о своих горьких потерях.

На самом деле, приход нового инспектора классов наделал много шума в почтенном заведении. Новый инспектор стремился возродить в Институте его главную идею – воспитание нового человека, новой женщины, образованной, свободной от предрассудков, идущей по жизни с достоинством, независимо от социального положения, богатства или бедности. Но, придя в классы (новый инспектор преподавал историю), он столкнулся с закаменевшим консерватизмом и косностью, тупостью и нежеланием что-либо менять. Некоторые учителя готовы были присоединиться к его новациям, а вот классные дамы узрели в реформах серьезные покушения на свою власть и положение. Как можно позволять воспитанницам иметь свое суждение, да еще высказывать его вслух! Как можно допустить изучение биологии, строение животных и, о боже, человеческого тела! Что за чепуха эта физика! Какая разница, отчего гром гремит: Илья-пророк едет или неведомые явления электричества тому способствуют. Разве можно ставить физику в один ряд с воспитанием хороших ма-

нер, умением делать глубокий реверанс, говорить по-французски или по-немецки, идеально заплетать косы, ходить парами и никогда не прекословить старшим! Не задавать глупых и неприличных вопросов!

Чтобы одолеть глыбу сопротивления новшествам, надо было быть Гераклом на педагогическом поприще. А Андрей Викторович Хорошевский им вовсе не являлся. Это был еще молодой человек высокого роста, склонный к полноте, с лысеющим лбом и пенсне на крупном носу. За стеклами пенсне на собеседника глядели глубоко посаженные, большие, близорукие и очень добрые глаза. В беседах с ученицами или коллегами он часто увлекался, становился необычайно красноречив и эмоционален. Но чаще он производил впечатление человека застенчивого или даже робкого. Впрочем, это было весьма обманчивое впечатление. Воспитанницам доводилось иногда случайно видеть, как господин Хорошевский смело, точно лев, вступает в сражение с такими столпами институтских порядков, как классная дама Теплова.

Мадемуазель Теплова олицетворяла незыблемость прежних правил. Она превратилась в главного врага инспектора-реформатора и поставила своей целью выжить его из стен Института во что бы то ни стало. На карту было поставлено все: влияние на воспитанниц, строжайшая дисциплина, авторитет всех классных дам. За это стоило побороться.

Все классные дамы проживали в стенах Института всю свою жизнь, до старости. Они боролись за это место, а полу-

чив его, стремились безупречной службой сохранить за собой. Классной дамой могла стать только незамужняя девица благонравного поведения. Особенных знаний наук или педагогики не требовалось. Классная дама следила за поведением учениц, их манерами, и каждая добивалась высоких результатов послушания подопечных и похвал начальницы своими способами.

Мадемуазель Теплова, а именно она являлась классной дамой Аполонии, стояла на первом месте по грубости, бесцеремонности по отношению к своим подопечным. Невысокая, полная, затянутая в тугой корсет, с седым валиком волос на голове, каждое утро она решительно выходила из своей комнаты и на целый день превращалась в унтер-офицера на плацу. На головы девочек с самого утра сыпались брань и попреки: то волосы торчат (беда тем, кого Господь наделил роскошной шевелюрой), то передник перекосился, то бант пелерины завязан неправильно. На уроках она сидела в классе за отдельным столиком и строго следила за поведением учениц. Учитель вызывал девочек к доске, те отвечали вызубренный накануне урок, затем им объясняли новую тему. Ученицы записывали ее в тетрадь, а позже зубрили уроки, переписывали лекцию учителя набело.

Андрей Викторович предложил ученицам не только отвечать выученный урок, но также спрашивать непонятное тут же, в классе, или (вовсе невиданное доселе) самим рассуждать. Мадемуазель Теплова, когда одна из учениц посмела

подать голос и задать вопрос, тотчас же грубым окриком, по обыкновению, призвала ее к порядку. Но на сей раз неожиданно для себя получила выговор от Хорошевского:

– Прошу вас, мадемуазель, сядьте на свое место и не мешайте мне вести урок!

Теплова потеряла дар речи. За все годы службы в Институте никто и никогда не смел покушаться на ее безграничные права. Ученицы тоже оторопели. Как только прозвенел звонок, классная дама поспешно вышла и бросилась в апартаменты начальницы. Девочки же, ликуя, окружили нового преподавателя и забросали его вопросами.

Аполония именно в этот миг осознала, что появился новый интересный человек. Она точно проснулась, словно не видела его до того времени, хотя его уроки велись уже недели две, а в дортуарах только и было разговоров, что о новом инспекторе и учителе. Правда, она постеснялась вместе со всеми подойти к нему и продолжала, оставаясь за своей партой, украдкой наблюдать за всеобщим кумиром.

Вместе с Хорошевским в Институт пришло несколько учителей, готовых, так же как и он, по-новому обучать девочек: развивать их ум, заставлять иметь собственное мнение, побуждать к чтению. Всех их, так же как и Хорошевского, ученицы обожали, за исключением одного. Господин Мелих преподавал древнюю историю и философию. «Зачем девочкам философия?» – недоумевали классные дамы. «Для их умственного развития, для расширения кругозора», – твер-

дил инспектор.

Наконец перед ученицами возник новый преподаватель. Природа наградила его невзрачной внешностью: маленький, с лысиной на макушке, на носу крохотное пенсне, черты лица мелкие, делающие его похожим на грызуна. Видимо, он очень страдал в глубине души от своей невзрачности, поэтому старался компенсировать недостатки внешности безграничными познаниями и осыпал ими своих учениц. Бедняжки оторопели от обилия незнакомых и непонятных слов, идей, сложных имен. Многие вообще не понимали, о чем идет речь, мучились и плакали, когда не могли вызубрить урок, а уж пересказать с пониманием и вовсе не представлялось возможным. Иногда учитель поднимал палец и изрекал некую истину или понятие, по его мнению, ключевое. Так, однажды он с глубокомысленным видом произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.